

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10923

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КОГНИТИВНЫЙ АТТРАКТОР В ТЕКСТОВОМ ИНФОРМАТИВНОМ КОДЕ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Б. ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...»)

Елена Анатольевна Огнева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, ogneva@bsu.edu.ru,
ORCID 0000-0003-4961-0304

Аннотация. В статье рассматривается архитектура художественного текста военной прозы. Уделяется внимание проблемам интерпретации текстового мира и сознания писателя. Дается авторское определение текстовому информативному коду. Впервые акцентируется внимание на существовании различных текстовых информативных кодов и излагаются параметры интерпретативной модели текстового информативного кода военной прозы как исторически-маркированной текстовой материи. Предлагаются авторские принципы построения текстовой интерпретативной модели текстового информативного кода военной прозы. Выявляются тенденции построения модели текстового темпорального когнитивного аттрактора как компонента текстового информативного кода в романе Б. Васильева «А зори здесь тихие...». Определяется дву-сегментность модели текстового темпорального когнитивного аттрактора как совокупности темпоральных сюжетно-тематически маркированных субмоделей. Выявляются тенденции построения архитектуры субмоделей, в которых типологизируются темпоральные маркеры и устанавливается частотность маркеров. Определяются такие специфические черты архитектуры субмоделей, как наличие временных векторов в прошлое и в будущее, наличие темпоральной контекстной поляризации маркеров.

Ключевые слова: художественный текст, текстовый информативный код, темпоральный когнитивный аттрактор, темпоральные маркеры, моделирование, модель, субмодель, временной вектор, темпоральная контекстная поляризация

Для цитирования: Огнева Е. А. Темпоральный текстовый аттрактор в информативном коде военной прозы (на материале романа Б. Васильева «А зори здесь тихие...») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 178—188. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10923.

Original article

TEMPORAL COGNITIVE ATTRACTOR IN THE TEXTUAL INFORMATIVE CODE OF MILITARY PROSE IN B. VASILIEV'S "THE DAWNS ARE QUIET HERE..."

Elena A. Ogneva

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia, ogneva@bsu.edu.ru, ORCID 0000-0003-4961-0304

Abstract. The article deals with the literary text architectonics of military prose. Attention is paid to the issues of interpreting of the text world and the writer's consciousness. The author's definition of text informative code is given. For the first time, attention is focused on the existence of various informative text codes and the parameters of the interpretative model of the text informative code of military prose as a historically marked textual matter are outlined. The author's composing principles for a textual interpretive model of a textual informative code in military prose is proposed. The constructing tendencies in a model of a textual temporal cognitive attractor as a component of a textual informative code in B. Vasiliev's "The Dawns are Quiet Here..." are revealed. The two-segment model of a textual temporal cognitive attractor is determined as a set of temporal plot-thematically marked submodels. Tendencies are revealed for constructing of submodels' architectonics, in which temporal markers are typologized and the frequency of markers is established. Such specific features of the submodels' architectonics are determined as the presence of temporal vectors to the past and to the future, the presence of temporal contextual polarisation of markers.

Keywords: literary text, informative text code, temporal cognitive attractor, temporal markers, modeling, model, submodel, temporal vector, temporal contextual polarisation

For citation: Ogneva EA. Temporal Cognitive Attractor in the Textual Informative Code of Military Prose in B. Vasiliev's "The Dawns are Quiet Here...". *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(9(467)):178-188. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10923.

Введение

В современной теории текста существует ряд аспектов, требующих детального рассмотрения в соответствии с постулатами «когнитивной лингвопоэтики» [25. С. 157—160]. Одним из таких актуальных исследовательских ракурсов видятся дальнейшие исследования в области интерпретативного когнитивного моделирования основных параметров концепции текстовой когнитивной аттракции, предоставляющей теоретико-методологический инструментарий познания принципов построения текстового мира. Текстовый мир в этом случае выступает как динамический формат знания, выстраиваемого на основе корреляции параметров текста, обусловленных, с одной стороны, категорией авторского сознания, которое «является основополагающим фактором для структурирования сюжетной линии и наполнения текста определенным смысловым содержанием» [3. С. 86], и, с другой стороны, интерпретативной базой читателей.

Исследование категории авторского сознания вскрывает в этом случае механизм «продуцирования текста» [11. С. 84], а моделирование интерпретативной базы читателя показывает принципы осмысления текстовой «языковой культуры» [23. С. 123]. Корреляция функционирования механизма продуцирования текста и механизма осмысления текстовой языковой культуры осуществима в соответствии с принципом, изложенным В. К. Харченко о том, что «проблема поиска неизученного в области лингвистической мысли требует максимально корректно подхода к обширному комплексу „уже изученного“» [24. С. 95].

В свете реализации данного корреляционно-го процесса интерпретации текстового информативного кода значим тот факт, что «язык при этом исполняет роль концентрата информации» [12. С. 149]. Под текстовым информативным кодом понимается совокупность лексико-грамматических и синтаксических информантов, обеспечивающих причинно-следственные связи построения текстовой сюжетно-тематически обусловленной материи.

Концентрат информации в этом случае предопределяет параметры лексико-грамматических

и синтаксических информантов текстового информативного кода и может состоять из нескольких «текстовых фрагментов, включающих несколько межфразовых единств» [10. С. 88].

Существуют различные текстовые информативные коды. В данной статье представлена интерпретативная модель текстового информативного кода военной прозы как исторически-маркированной текстовой материи.

Теоретические основы анализа текстового информативного кода

Текстовый информативный код военной прозы, по нашему мнению, нацелен преимущественно на реализацию функции воспитательной дискурсивной парадигмы, в том числе и такого аспекта этой парадигмы как патриотизм. В свете этого значимо мнение С. Г. Воркачева о том, что «дискурс патриотизма образован множеством речевых и литературных жанров, в которых вербализуется в том или ином виде идея любви к родине» [4. С. 92]. Следовательно, значим тот факт, что идея любви к Родине реализуется посредством сопряжения различных типов дискурсов и текстов, находящихся в их основе [18] и требующих интерпретативного моделирования с целью выявления особенностей реализации «поэтики гражданственности и патриотизма» [17].

Отсутствие алгоритма построения текстовой интерпретативной модели военной прозы говорит о необходимости для дальнейшего развития современной теории текста проведения комплексных исследований «структуры военной прозы» [9], поскольку «The concept of WAR, at large, continues to shape peoples' vision of the world» [28. С. 725] / «Концепт ВОЙНА в целом продолжает формировать мировоззрение людей» (пер. автора — О. Е.). Текстовый информативный код в этом случае характеризуется таким значимым параметром, как «компрессия оценочного смысла» [8. С. 32], поскольку, по мнению С. Л. Кушнерук, «реальность не дается человеку объективно, но конструируется сознанием» [15. С. 143]. Текстовая реальность конструируется сознанием писателя в виде когнитивно-сюжетной матрицы текста как проекции части его индивидуально-авторской концептосферы.

Практический анализ текстового информативного кода

В модели художественного текста как основного компонента текстового художественного мира значимы «средства пространственной и временной референции эгоцентрических элементов» [14. С. 80]. В свете этого актуален тот факт, что эгоцентрические элементы, сопряженные с временной референцией, образуют текстовый темпоральный когнитивный аттрактор, под которым понимаются «доминантные смысловые маркеры, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя к сюжету литературно-художественного произведения» [21. С. 87]. Проведенные исследования текстовой аттракции показали, что «часть лексических единиц, входящих в номинативное поле концепта-доминанты, становятся текстовыми когнитивными аттракторами» [6. С. 71].

В настоящее время существует следующая авторская типология текстовых когнитивных аттракторов: «(1) текстовый проксемный когнитивный аттрактор, (2) текстовый темпоральный когнитивный аттрактор, (3) текстовый пейзажный когнитивный аттрактор, (4) текстовый эмотивный когнитивный аттрактор, (5) текстовый персонажный когнитивный аттрактор, (6) текстовый коллоративный когнитивный аттрактор, (7) текстовый световой когнитивный аттрактор, (8) текстовый сюжетный когнитивный аттрактор» [21. С. 88].

В статье моделируется текстовый темпоральный когнитивный аттрактор, реализованный Б. Васильевым в литературно-художественном произведении «А зори здесь тихие...» [29], название которого маркирует определенное время суток в Карельской локации. В связи с сопряжением пространственного и темпорального аспектов название произведения представляет собой «дискурсивный феномен» [26].

Интерпретация текстового темпорально-когнитивного аттрактора в когнитивно-сюжетной матрице исследуемого романа, нацелена на построение «модели с рядом особенностей» [27. С. 338], что позволяет выявить параметры реализации темпоральной сетки романа, поддерживающей «интерес адресата к даваемой фактуальной информации» [16. С. 28].

Текстовый темпоральный когнитивный аттрактор может представлять собой одну из моделей в соответствии со следующей авторской типологией текстовых темпоральных моделей, состоящей из четырёх типов: (1) линейные одновекторные модели, (2) линейные многовекторные моде-

ли, (3) нелинейные одновекторные модели, (4) нелинейные многовекторные модели. **Линейная одновекторная модель** рассматривается как «последовательная текстовая реализация временных маркеров, сопровождающих описываемые события, совместные действия одного или нескольких персонажей, излагаемая в виде временного вектора» [20. С. 144]. В этом типе темпоральной модели события разворачиваются последовательно вдоль темпоральной оси из темпорально-сюжетной точки А в темпорально-сюжетную точку В. **Линейная многовекторная модель** рассматривается как «описание непоследовательных событий, связанных с одним или несколькими персонажами, осуществляющими действия совместно» [20. С. 145]. В этом типе модели темпоральность событий имеет «скачкообразный» характер, то есть временной вектор может быть направлен из настоящего в прошлое, из прошлого в будущее, минуя настоящее время, из будущего в настоящее, из будущего в прошлое, минуя настоящее. **Нелинейная одновекторная модель** рассматривается как «последовательная текстовая реализация временных маркеров, сопровождающих потенциально различные действия нескольких персонажей» [20. С. 145]. В этом типе модели события разворачиваются последовательно по нескольким темпоральным векторам из темпорально-сюжетных точек А, В, С (количество точек ограничивается только когнитивно-сюжетной матрицей текста) и далее события сходятся в единой темпорально-сюжетной точке. **Нелинейная многовекторная модель** рассматривается как описание «потенциально различных действий нескольких персонажей <...>, в определённый момент повествования действия двух и более персонажей фокусируются в одной временной точке, тогда как действия других персонажей фокусируются в иной временной точке» [20. С. 145]. В этом типе моделей фокусировка действий во временных точках может быть реализована в различных временных плоскостях (прошлое, настоящее, будущее).

Темпоральные модели представляют собой совокупность глагольно-временных форм, хронем, лексических таймеров. Темпоральность глагольно-временных форм очевидна, поэтому находится вне рамок проводимого исследования. Под хронемами понимаются лексемы, «семантика которых выражает время, а уровень частотности хронем оказывает воздействие на динамику повествования» [19. С. 825]. Лексические таймеры рассматриваются как «темпоральные маркеры, в семантике которых наряду с непосредственным

значением имеется дополнительное темпоральное значение» [2. С. 75].

В соответствии с авторской типологией существует четыре типа хронем и четыре типа лексических таймеров: (1) *продолгованные хронемы / продолгованные лексические таймеры*, обозначающие длительность процесса (хронемы: весь день, с утра до вечера, три дня; лексические таймеры: венчание, завтрак), (2) *предельные хронемы / предельные лексические таймеры*, обозначающие завершенность процесса к определенной точке на темпоральной оси (хронемы: к двум часам дня, к девяти часам вечера; лексический таймер: к концу прогулки), (3) *точечные хронемы / точечные лексические таймеры*, обозначающие действие в определенной точке на темпоральной оси (хронемы: в семь часов вечера, первого июля; лексический таймер: в начале праздника), (4) *обобщающие хронемы / обобщающие лексические таймеры*, обозначающие темпоральный маркер, непривязанный к определенной точке на темпоральной оси (хронемы: летом, утром, лексический таймер: старинный замок). Также существуют *однойдерные хронемы* (летом) / *однойдерные лексические таймеры* (за ужином) и *многодерные хронемы* (весной 2021 года) / *многодерные лексические таймеры* (в старинном замке периода романтизма).

Исследование показало, что в когнитивно-сюжетной матрице романа «А зори здесь тихие...» заложена одноименная комплексная темпоральная нелинейная многовекторная модель, состоящая из циклических и линейных субмоделей. Как было доказано ранее, линейное время развивается вдоль темпоральной оси, тогда как в циклическом «отсутствует движение вперед, происходит возврат к тому, что было» [5. С. 689].

В темпоральной сетке рассматриваемой архитектоники романа циклическое время реализовано как совокупность нескольких суток, в течение которых отряд из пяти зенитчиц во главе со старшиной Васковым боролись против шестнадцати диверсантов.

Рассмотрение архитектоники комплексной темпоральной нелинейной многовекторной модели показало следующие её особенности.

Во-первых, определена двусегментность темпоральной модели когнитивного аттрактора, состоящей из сегмента «На разъезде» и сегмента «Выслеживание диверсантов». Названия обоих сегментов представляют собой лексические таймеры, которые обусловлены таким параметром как «четкая тематическая отнесенность с ситуативно-

личностными уточнениями» [13. С. 272], и параметром «соответствия с определёнными ценностно-смысловыми структурами» [1. С. 51].

Во-вторых, выявлено сопряжение настоящего и прошлого времени героев романа, посредством темпоральных одиночных векторов из настоящего в прошлое и темпоральных сюжетно-тематически маркированных субмоделей «военное настоящее» и «довоенное прошлое».

В-третьих, установлено наличие сопряжения настоящего и будущего времени героев, посредством низкочастотных темпоральных одиночных векторов из настоящего в будущее:

В-четвёртых, в темпоральном сегменте «На разъезде» выявлены четыре вектора из настоящего в прошлое: первый вектор выражен продолгованным лексическим таймером «именины» и точечной хронемой «в прошлом месяце», второй вектор выражен обобщающими хронемами «(Федоту Евграфычу) этой весной» и «исполнилось тридцать два»; третий вектор выражен двудерной хронемой «в одну из весенних ночей», четвёртый вектор выражен обобщенными хронемами «раньше» и «никогда» в конструкции «Осянину он еще раньше выделил: строга. Не засмеется никогда»; (гл. 1). Установлено наличие одного вектора в будущее «радоваться после войны будем», выраженного продолгованным лексическим таймером «после войны».

Также в этом сегменте выявлено четыре субмодели: (1) *субмодель «Охрана объекта»*, которая размещена в начальной точке линейной темпоральной модели «На разъезде» (первая темпоральная субмодель) и в её конечной точке (четвертая темпоральная субмодель), (2) субмодель из группы «довоенное прошлое», а именно субмодель *«Довоенная жизнь Федота Евграфыча»* и (3) *субмодель «Жизнь Риты Муштаковой»*, состоящая из двух частей: «довоенная жизнь» и «военная жизнь» (2 глава); в этой темпоральной субмодели выявлена встроенность *минимодели «Помкомвзвода Кирьянова»* и *минимодели «Расчет зенитчиц»*.

В темпоральном сегменте «Выслеживание диверсантов» выявлено шестнадцать субмоделей, а именно: (1) *субмодель «Подготовка к выслеживанию фашистов»*, (2) *субмодель «Выслеживание фашистов» с встроеным временным вектором «Довоенная жизнь Сони Гурвич»*, (3) *субмодель «Довоенная жизнь Васкова»*, (4) *субмодель «В засаде»*, (5) *субмодель «Подготовка к борьбе с диверсантами»*, (6) *субмодель «Жизнь Лизы Бричкиной»*, (7) *субмодель «Соня*

Гурвич», (8) субмодель «Планы Васкова о борьбе с диверсантами», (9) субмодель «Жизнь Гали Четвертак», (10) субмодель «Первый бой с диверсантами», (11) субмодель «После первого боя», (12) субмодель «Борьба старшины с диверсантами», (13) субмодель «Бой против диверсантов», (14) субмодель «Жизнь Жени Комельковой», (15) субмодель «Смерть Риты Муштаковой», (16) субмодель «Победа старшины Васкова над диверсантами».

Темпоральный сегмент «Выслеживание диверсантов» в четыре раза превышает по количеству темпоральных субмоделей темпоральный сегмент «На разъезде».

В-пятых, особенность темпорального сегмента «На разъезде» обусловлена следующим: *первая темпоральная субмодель* «Охрана объекта» темпорального сегмента «На разъезде» состоит из 21 темпорального маркера [29. гл. 1], а именно: (а) двуядерной пролонгированной хронемы «шел май 1942 года», (б) двуядерной обобщающей хронемы «жарким майским днем», (в) пяти одноядерных пролонгированных хронем: «три дня», «с неделю», «за три дня», «целый день», «дни стояли теплые»; (г) четырех одноядерных точечных хронем: «на четвертый» (день), «ежесекундно», «с того дня»; «через день доложила Мария Никифоровна»; (д) двух одноядерных обобщающих хронем: «утром», «лучше нету для дум времени»; (е) одноядерного пролонгированного лексического таймера «именины», (ж) трёх одноядерных обобщающих лексических таймеров: «стариком величают», «стариком он себя считать не согласился», (з) темпоральной контекстной поляризации, выраженной обобщающими хронемами: «ночами зенитчицы азартно лупили из всех восьми стволов по пролетающим немецким самолетам, а днем разводили бесконечные постирушки». Темпоральная контекстная поляризация рассматривается как «противопоставление временных параметров свершения действий одним или несколькими героями в рамках отдельно взятого контекста художественного произведения» [7. С. 234]; (и) лексическим повтором «неделю в одном дворе, неделю — в другом».

Итак, в рассматриваемой линейной многовекторной темпоральной субмодели «Охрана объекта» преобладают одноядерные пролонгированные хронемы, отсутствуют предельные хронемы, представлено два типа лексических таймеров: пролонгированные и обобщающие, среди которых обобщающие лексические таймеры преобладают, а также писатель применил приемы

темпоральной контекстной поляризации и лексического повтора.

Вторая темпоральная субмодель «Довоенная жизнь Федота Евграфыча» состоит из 8 темпоральных маркеров [29. гл. 1]: (а) двух одноядерных пролонгированных хронем: «за десять лет», «спокойно служилось старшине Васкову» (б) одноядерной предельной хронемой «почти до сегодня», (в) трёх одноядерных точечных хронем: «в конце этого, четвертого», «через год мальчонка его помер», «трижды в день», (г) одноядерного пролонгированного лексического таймера «в пределах четырех классов», (д) одноядерного точечного лексического таймера «незадолго перед финской женился». Очевидно, что в линейной одновекторной темпоральной субмодели о жизни главного героя преобладают маркеры, характеризующие этапы жизни главного героя, то есть линейные маркеры, иными словами «антропоцентрические маркеры художественного текста» [22. С. 149].

Итак, в субмодели преобладают одноядерные точечные хронемы.

Третья темпоральная субмодель «Жизнь Риты Муштаковой» состоит из тридцати трёх темпоральных маркеров [29. гл. 2], а именно: (а) двуядерной точечной хронемы «через две ночи на третью»; (б) двуядерной обобщающей хронемы: «две-три ночи в неделю»; (в) шести одноядерных пролонгированных хронем: «на три дня», «пяти с половиной месяцев», «застава держалась семнадцать дней», «шли дни», «всю ночь ее трясло», «подремли часок»; (г) двух одноядерных предельных хронем: «так продолжалось до лета», «до восемнадцати»; (д) девяти одноядерных точечных хронем: «этот вечер», «в июне», «в тот первый день», «в мае», «на семнадцатые сутки застава замолчала», «через день», «на второй день войны», «узнала в июле», «через три ночи»; (е) пяти одноядерных обобщающих хронем «днем и ночью» — синергия двух хронем, «через три ночи», «ночью», «утром»; (ж) пролонгированного лексического таймера «школьный вечер»; (з) точечного лексического таймера «в утреней контратаке» — синергия точечного лексического таймера и обобщающей хронемы «утренняя», (и) обобщающего лексического таймера «из всех довоенных событий»; (к) двумя векторами темпоральной контекстной поляризации: (1) первый вектор выражен обобщающими хронемами «каждую субботу — каждое воскресенье», (2) второй вектор темпоральной контекстной поляризации «исчезала после ужина, а возвращалась перед подъемом», выраженный двумя точечными лексическими таймерами;

(л) лексического повтора «через год она родила мальчика <...>, а еще через год началась война». Очевидно, что вторая хронема в составе лексического повтора сопряжена с точечным лексическим таймером «началась война».

Итак, комплексная темпоральная линейная многовекторная субмодель «Жизнь Риты Муштаковой» состоит из двуядерных и одноядерных хронем, среди которых преобладают одноядерные точечные хронемы; субмодель включает в себя лексические таймеры, темпоральную контекстную поляризацию и лексический повтор. Также в субмодели выявлено две встроенных темпоральных минимодели: (1) **темпоральная минимодель «Помкомзвода Кирьянова»** с вектором в прошлое, состоящая из трёх темпоральных маркеров: (а) одноядерной пролонгированной хронемы «месяц снился»; (б) двух точечных лексических таймеров «когда первого убила», «еще в финскую»; (2) **темпоральная минимодель «Расчет зенитчиц»**, состоящая из шести темпоральных маркеров, а именно: (а) одноядерной пролонгированной хронемы «два часа вели бой»; (б) трёх одноядерных точечных хронем: «перед маем расчету досталось»: «тот день баннным был», «на следующее утро»; (в) двух одноядерных обобщающих хронем: «наутро», «их время».

Четвёртая темпоральная субмодель «Охрана объекта», состоящая из семи темпоральных маркеров [29. гл. 2], а именно: (а) двуядерной пролонгированной хронемы «от зари до зари»; (в) одноядерной пролонгированной хронемы «белые ночи»; (г) одноядерной обобщающей хронемы «сумерки»; (д) одноядерной пролонгированной хронемы «четыре часа» синергичной пролонгированному лексическому таймеру «с обеда до ужина»; (е) пролонгированного лексического таймера «шла война», (ж) предельного лексического таймера «до вторых петухов».

Итак, в темпоральной линейной многовекторной субмодели «Охрана объекта» представлены преимущественно пролонгированные темпоральные маркеры, а также предельный лексический таймер, который низкочастотен в рассматриваемой модели темпорального когнитивного аттрактора.

Таким образом, в темпоральном сегменте «На разъезде», состоящем из четырех субмоделей и двух минимodelей, превалируют линейные многовекторные модели, три из четырех, среди темпоральных маркеров — высокочастотные пролонгированные маркеры и точечные маркеры.

В целом темпоральный сегмент «На разъезде» представляет собой нелинейную многовек-

торную модель, поскольку начальная точка когнитивно-сюжетной матрицы находится в локации «На разъезде», в темпоральной точке «в мае 1942 года», затем временной вектор смещается в прошлое и описывается довоенная жизнь старшины Васкова, далее представлены события на разъезде и вновь временной вектор повествования перемещается в прошлое, в довоенную и военную жизнь Риты Муштаковой, до её прибытия на разъезд и описывается её пребывание в роли зенитчицы на разъезде.

В-шестых, особенность темпорального сегмента «Выслеживание диверсантов» рассматриваемой текстовой темпоральной модели заключается в том, что этот сегмент состоит из пятнадцати темпоральных субмоделей, в отличие от сегмента «На разъезде», который состоит из четырёх субмоделей и двух встроенных минимodelей. В данной статье рассматриваются первые четыре модели из шестнадцати: 1) **субмодель «Подготовка к выслеживанию фашистов»**, 2) **субмодель «Выслеживание фашистов» с встроенным временным вектором «Довоенная жизнь Сони Гурвич»**, 3) **субмодель «Довоенная жизнь Васкова»**, 4) **субмодель «В засаде»**.

Первая темпоральная субмодель «Подготовка к выслеживанию фашистов» состоит из 15 темпоральных маркеров [29. гл. 3], а именно: (а) двух одноядерных пролонгированных хронем: «сорок минут», «остаток времени»; (б) трёх одноядерных точечных хронем: «в двадцать тридцать ежедневно», «через сорок минут», «через полтора часа»; (в) одноядерной обобщающей хронемы «А зори здесь были тихими-тихими»; (г) двуядерного обобщающего лексического таймера «ни свет ни заря»; (д) трёх векторов в будущее: (1) «идем на двое суток», (2) «топать-то весь день», (3) вектора в будущее, состоящего из трёх одноядерных точечных хронем «через пятнадцать минут выступаем», «послезавтра вернусь», «крайний срок — в среду»; (е) вектора в прошлое «в лесу в четыре утра?», состоящего из одноядерной точечной хронемы; (ж) лексического повтора, выраженного пролонгированными хронемами «сорок минут преподавал, как портянки наматывать. А еще сорок — винтовки чистить». Хронема «сорок минут» повторена писателем контекстуально трижды, что в соответствии с русским культурным кодом является предупреждением для читателя о том, что «отряд погибнет».

Итак, данная темпоральная линейная многовекторная субмодель характеризуется преобладанием одноядерных точечных хронем и наличием

трёх временных векторов в будущее, посредством которых писатель высказывает надежду его героев на успешный поход, на победу, и на возвращение на развед.

Вторая темпоральная субмодель «Выслеживание фашистов» состоит из одиннадцати темпоральных маркеров [29. гл. 4], а именно: (а) двуядерной пролонгированной хронемы «сейчас пятнадцать минут»; (б) трёх одноядерных пролонгированных хронем: «даю сорок минут», «все время», «за сорок минут»; (в) одноядерной точечной хронемы «через сорок минут»; (г) одноядерной обобщающей хронемы «не дал ни минуты»; (д) пролонгированного лексического таймера «солнце уже клонилось»; (е) вектора в прошлое «еще в финскую», состоящего из точечного лексического таймера, выделенных подчеркиванием; (ж) двух векторов в будущее (1) вектора «раньше чем к вечеру <...> к тому времени», состоящего из двух одноядерных точечных хронем, выделенных подчеркиванием; (2) вектора «еще часа полтора», состоящего из пролонгированной хронемы.

Встроенный временной вектор «Довоенная жизнь Сони Гурвич» состоит из пролонгированного лексического таймера, выделенного подчеркиванием «Я в Москве училась, готовилась к сессии».

Итак, данная темпоральная нелинейная многовекторная субмодель характеризуется преобладанием одноядерных пролонгированных хронем, наличием временного вектора в прошлое и двух временных векторов в будущее.

Третья темпоральная субмодель «Довоенная жизнь Васкова» состоит из двадцати семи темпоральных маркеров [29. гл. 5], а именно: (а) одноядерной пролонгированной хронемой «на данном этапе»; (б) одноядерной предельной хронемы «к двадцати годам»; (в) одноядерной точечной хронемы «в свои четырнадцать»; (г) двух пролонгированных лексических таймеров «выходные», «потом армия»; (д) пяти обобщающих лексических таймеров «чувствовал себя старше», «для бойцов старей», «позабыл о своем возрасте», «ровня всем майорам», «из другого поколения»; (е) двух векторов лексических повторов: (1) лексического повтора «в армии солидность уважают, а он армию уважал», представленного обобщающим лексическим таймером, который употреблен контекстуально трижды, что в соответствии с русским символическим кодом подчеркивает значимость этого маркера, (2) лексического повтора «старшина — старшина и есть», представленного обобщающим лексическим таймером, который употре-

блен контекстуально трижды, что в соответствии с русским символическим кодом также подчеркивает значимость этого маркера; (ж) четырёх векторов темпоральной контекстной поляризации: (1) вектора контекстной поляризации «летом крестянствовал, зимой зверя бил», состоящей из двух обобщающих хронем, (2) вектора контекстной поляризации «армия тоже не детский сад», состоящей из двух обобщающих лексических таймеров, (3) вектора контекстной поляризации «не помолодел, а наоборот, старшиной стал», выраженной обобщающим лексическим таймером «не помолодел», (4) вектора контекстной поляризации «старше рядовых и лейтенантов, и всегда младше любого полковника», выраженной обобщающими лексическими таймерами «старше-младше»; (з) синергия прошлого и настоящего «старше он самого себя, никогда Васкову в голову не приходили. И только ночью этой», выраженная обобщающим лексическим таймером «старше», и двумя обобщающими хронемами «ночью» и «никогда».

Итак, данная темпоральная линейная одновекторная субмодель примечательна преобладанием обобщающих лексических таймеров, наличием двух векторов лексического повтора, четырех векторов темпоральной контекстной поляризации и синергии темпоральных маркеров прошлого и настоящего.

Четвертая темпоральная субмодель «В засаде» состоит из тридцати пяти темпоральных маркеров [29. гл. 5], а именно: (а) пяти одноядерных пролонгированных хронем: «до ночи еще далеко», «немцам надо было часа три», «еще часа четыре», «отдохнули полчаса», «а зори здесь тихие»; (б) пяти одноядерных предельных хронем: «к тому времени», «к завтраму», «к этому времени», «до солнышка», «до бесконечности»; (в) четырёх одноядерных точечных хронем: «после обеда», «на зорьке разбужу», «наступила та таинственная минута», «минута эта»; (г) пяти одноядерных обобщающих хронем: «ввечеру», «за полночь», «завтрашний день», «с солнышком», «солнце уж оторвалось от горизонта»; (д) двух пролонгированных лексических таймеров «в обычной жизни», «на войне»; (е) двух обобщающих лексических таймеров «расчет времени», «солнце уже совсем за вершины цеплялось», «солнце давно уже село»; (ж) два вектора темпоральной контекстной поляризации: (1) временным вектором «пока тройка кашеварила, Васков с младшим сержантом Осяниной и бойцом Комельковой всю грядку излазили», (2) временным вектором «солнце давно уже село, но было светло, словно перед

рассветом», выраженным обобщающим лексическим таймером «солнце село» и точечной хронемой «перед рассветом»; (з) три временных вектора в прошлое: (1) временной вектор «Федот Евграфыч еще на марше брусничного листа насобирали», выраженный пролонгированным лексическим таймером «на марше», (2) временной вектор «и маманю увидел: шустрюю, маленькую, что много уж лет спала урывками, кусочками какими-то, будто воруя их у крестьянской своей жизни», выраженный обобщающей хронемой «лет» и пролонгированным лексическим таймером «крестьянская жизнь», (3) временной вектор в прошлое «был мальчонка. Помер. Аккурат перед войной», выраженный пролонгированным лексическим таймером «был мальчонка», двумя точечными лексическими таймерами «помер», «аккурат перед войной»; (и) два временных вектора в будущее: (1) временной вектор «после споем с тобой, Лизавета», выраженный обобщающей хронемой «после», (2) временной вектор «думала передречь до зари», выраженный предельной хронемой «до зари»; (к) синергия временного вектора в будущее и лексического повтора «до солнышка <...> и вы до солнышка отдохните», в целом темпоральный маркер «солнышко» контекстуально употреблен трижды, что в соответствии с русским символическим кодом говорит о стремлении героев произведения к свету, к жизни.

Итак, в данной темпоральной нелинейной многовекторной субмодели практически равное количество одноядерных хронем по пять каждого типа и только одноядерных точечных хронем четыре. Модель отличается наличием двух векторов темпоральной контекстной поляризации, трёх векторов в прошлое, двух временных векторов в будущее, а также синергией временного вектора в будущее и лексического повтора.

Таким образом, среди четырёх первых темпоральных субмоделей второго темпорального сегмента «Выслеживание диверсантов» преобладают темпоральные нелинейные многовекторные темпоральные субмодели, две из четырёх, а среди темпоральных маркеров преобладают пролонгированные хронемы, посредством которых писатель подчеркивает длительность времени до встречи с диверсантами. Также в третьей темпоральной субмодели «Довоенная жизнь старшины

Васкова» преобладают лексические таймеры. Посредством применения прямой и непрямой номинации времени писатель подчеркивает неоднозначность времени как такового в жизни старшины Васкова. С одной стороны, он жил по уставу, то есть строго по времени, а с другой стороны, он не обращал внимание на то, что жизнь проходит.

В целом, эти четыре темпоральные субмодели в совокупности представляют собой нелинейную многовекторную модель темпорального сегмента «Выслеживание диверсантов».

Заключение

Исследование архитектоники художественных произведений через призму интерпретации текстового информативного кода позволяет представить комплексную таксономическую модель. Рассмотрение архитектоники романа Б. Васильева «А зори здесь тихие...» выявило наличие комплексной модели темпорального когнитивного аттрактора как одного из компонентов информативного кода. Было выявлено, что таксономическая модель темпорального когнитивного аттрактора произведения состоит из двух темпоральных сегментов: «На разъезде» и «Выслеживание диверсантов». Установлено, что темпоральный сегмент «Выслеживание диверсантов» по количеству субмоделей (16 субмоделей) в четыре раза превосходит темпоральный сегмент «На разъезде».

Определено, что, несмотря на различие типов субмоделей в темпоральном сегменте «На разъезде» и в четырёх первых темпоральных субмоделях (описывающих подготовку к борьбе с диверсантами) темпорального сегмента «Выслеживание диверсантов», в тексте реализована общая тенденция формирования темпоральных сегментов как нелинейных многовекторных текстовых конструкций.

Выявлено, что среди темпоральных маркеров преобладают пролонгированные хронемы, а в архитектонику субмоделей, наряду с темпоральными маркерами, включены временные векторы в прошлое, в будущее, векторы темпоральной контекстной поляризации.

Таким образом, писателем создана комплексная темпоральная модель синергично встроенная в когнитивно-сюжетную матрицу произведения.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. «Язык» и «текст» культуры // *Litera*. 2015. № 4. С. 50—58.
2. Бузина Е. И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2019. № 44. С. 174—178.

3. Бутакова Л. О., Мячин К. А. Компонентный состав концептуальной категории «темогу» и ее роль в смыслообразовании текстов современной прозы // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 3. С. 85—99.
4. Воркачев С. Г. Дискурс патриотизма: метафорика национальной гимнодии экс-советских республик // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы V Междунар. науч. конф. М., 2021. С. 92—97.
5. Даниленко И. А. К вопросу о линейном и циклическом художественном времени // Когнитивные исследования языка. Вып. XXI. М.: Ин-т Языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2015. С. 688—691.
6. Даниленко И. А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 6-13.
7. Гламазда С. Н. Контекстная поляризация как феномен построения художественной модели мира // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 4 (63). С. 232-237.
8. Голованова Е. И., Ковалева О. Н. Когнитивные механизмы компрессии оценочного смысла в художественном тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3 (52). С. 31—36.
9. Голованова Е. И. Документ в военной прозе В. Богомолова // Литература в контексте современности: сборник материалов XII Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. Челябинск: Юж.-Урал. гос. гум.-пед. ун-т. 2020. С. 23—28.
10. Жирова И. Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 3. С. 85—98.
11. Жирова И. Г. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Дискурсивные практики в современном мире: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2021. С. 83—89.
12. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 428 с.
13. Карасик В. И. Языковые картины бытия: моногр. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. 468 с.
14. Комуцци Л. В., Гончарова Н. С. Языковые средства пространственно-временной референции в поэме Э. А. По «Ворон» // Дискурс. 2018. № 6 (20). С. 80—86.
15. Кушнерук С. Л. Исследования ментальных пространств в лингвистике: текстовый мир в кругу смежных понятий // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Челябинск, 2016. Т. 1. С. 143—145.
16. Левченко М. Н. и др. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект): моногр. М.: Изд-во Мос. гос. обл. ун-та, 2013. 240 с.
17. Мещерякова О. И., Шестеркина Н. В. Поэтика гражданственности и патриотизма: к 75-летию публикации стихотворения В. И. Лебедева-Кумача «Священная война» // Литературные события и феномены XX—XXI веков: год 2016: материалы заоч. интерактив. конф. СПб., 2017. С. 113—123.
18. Миньяр-Белоручева А. П. Исторический текст vs исторический дискурс // Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. научных статей. СПб., 2018. С. 63—65.
19. Огнева Е. А. Хронемы в архитектонике когнитивной темпоральной модели текста // Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: материалы Всерос. науч. конф. 11—12 апреля 2013 г. // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 821—826.
20. Огнева Е. А. Темпоральная архитектоника концептосферы художественного текста // Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка: колл. моногр. Новосибирск: Сибак, 2013. С. 138—155.
21. Огнева Е. А. Концепция текстовой когнитивной аттракции // Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. тр. Белгород, 2018. С. 87—92.
22. Озерова Е. Г. Антропоцентрические маркеры художественного текста // Современные вопросы модернизации высшей школы: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. Белгород, 2021. С. 149—154.
23. Попова Л. Г. Слово: анализ языковой культуры (сопоставительный аспект) // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: материалы III Междунар. научно-практической конференции. Краснодар, 2013. С. 123—126.

24. Харченко В. К. О некоторых «белых пятнах» на карте лингвистического знания // Русский язык в школе. 2007. № 3. С. 95—100.
25. Alefirenko N. F., Chumak-Zhun I. I., Ozerova E. G., Stebunova K. K. Text and discourse: between Scylla and charibdis of cognitive linguopoetics // Journal of Language and Literature. 2015. Т. 6. № 2. P. 157—160.
26. Kosharnaya S. A., Chumak-Zhun I. I., Plotnikova L. I., Maltseva G. Y., Boldyreva S. M. The title of a literary text as a discursive phenomenon // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Т. 10. № 5. P. 396—404.
27. Miall D. S., Kuiken D. Beyond Text Theory. Understanding Literary Response // Discourse Processes. 1994. Vol. 17. P. 337—352.
28. Solopova O. A., Kushneruk S. L. War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 3. P. 723—745.
29. Васильев Б. Л. А зори здесь тихие... М.: Эксмо, 2015. 224 с.

References

1. Alefirenko NF. “Language” and “cultural text”. *Litera*. 2015;(4):50-58. (In Russ.).
2. Buzina EI. Determination of lexical timers in temporal structure of literary text. *Inostrannye jazyki: lingvističeskie i metodicheskie aspekty = Foreign languages: linguistic and methodic aspects*. 2019;(44):174-178. (In Russ.).
3. Butakova LO, Mjachin KA. Components units of conceptual category named “memory” and its role at the meaning-composing of contemporary prose. *Filologičeskij klass = Philological class*. 2020; (25, 3): 85-99. (In Russ.).
4. Vorkachev SG. Discourse of patriotism: metaphor of the national hymnody of the ex-Soviet republics. In: *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizacija = Image of the Motherland: content, formation, updating*. Moscow; 2021. Pp. 92—97. (In Russ.).
5. Danilenko IA. About linear and cycling literary time. In: *Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive studies of language*. Issue XXI. Tambov: Tambov State University; 2015. Pp. 688—691. (In Russ.).
6. Danilenko IA. The role of text cognitive attractors at the composing of variative text worlds. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta Serija: Lingvistika = Bulletin of Moscow state regional universities. Linguistics*. 2022;(1):6-13. (In Russ.).
7. Glamazda SN. Context polarization as composing phenomenon of literary world’s model. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija = Bulletin of Tver state university. Philology*. 2019;(4(63):232—237. (In Russ.).
8. Golovanova EI, Kovaleva ON. Cognitive Mechanisms of Evaluative Meaning Compression in a Literary Text. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of cognitive linguistics*. 2017;(3(52):31-36. (In Russ.).
9. Golovanova EI. Document in war prose of V. Bogomolov. In: *Literatura v kontekste sovremennosti = Literature contemporary context*. Chelyabinsk; 2020. Pp. 23—28. (In Russ.).
10. Zhirova IG. The structure of the utterance and the system of linguistic communication means: based on contemporary literary texts. In: *Nauchnyj rezul’tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki = Research Result. Issues of theoretical and applied linguistics*. Moscow; 2020. Pp. 85—98. (In Russ.).
11. Zhirova IG. Linguistics and extra-linguistics element of text semantics. In: *Diskursivnye praktiki v sovremennom mire = Discursive practices in the contemporary world*. Moscow; 2021. Pp. 83—89. (In Russ.).
12. Karasik VI. Jazykovaja kristalizacija smysla = Languag srystalisation of meaning. Volgograd: Paradigma; 2010. 428 p. (In Russ.).
13. Karasik VI. Jazykovye kartiny bytija = Lingual world views. Moscow; 2020. 468 p. (In Russ.).
14. Komucci LV, Goncharova NS. Language means of space-time reference in E. A. Po’s “Raven”. *Diskurs = Discourse*. 2018;(6(20):80-86. (In Russ.).
15. Kushneruk SL. Studies of mental spaces in linguistics: the text world in the circle of related concepts. Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects *Issledovanija mental’nyh prostranstv v lingvistike: tekstovyj mir v krugu smezhnyh ponjatij*. In: *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmatičeskom i kul’turologičeskom aspektah = Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects*. Chelyabinsk; 2016. Pp. 143—145. (In Russ.).
16. Levchenko MN et al. *Interpretacija teksta i ego grammatičeskikh modelej (tipologičeskij aspekt) = Text interpretation and its grammatical models in typological aspect*. Moscow: Moscow State Region University Publ.; 2013: 240 p. (In Russ.).

17. Meshherjakova OI, Shesterkina NV. Poetics of citizenship and patriotism to the 75th anniversary of the publication of the poem by V. I. Lebedev-Kumach “Holy War”. In: Literaturnye sobytija i fenomeny XX—XXI vekov: god 2016 = Literal events and phenomena in 20th-21st centuries: 2016 year. St. Petersburg; 2017. Pp. 113—123. (In Russ.).
18. Min’jar-Beloručeva AP. Historical text vs historical discourse. In: Gercenovskie chtenija. Inostrannye jazyki = Herzen reading. Foreign languages. St. Petersburg; 2018. Pp. 63—65. (In Russ.).
19. Ogneva EA. Chonemes in architectonics of cognitive temporal model of text. In: Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive studies of language. Issue XIV. Tambov: Tambov State University; 2013. Pp. 821—826.
20. Ogneva EA. Temporal architectonics of literary text’s conceptual domain. In: Prioritetnye napravlenija lingvističeskikh issledovanij: obshheteoreticheskie, kognitivnye, kommunikativno-pragmatičeskie i funkcional’no-grammatičeskie aspekty jazyka = Priority areas of linguistic researches: general theoretical, cognitive, communicative-pragmatic and functional-grammatical aspects of the language. Novosibirsk: Sibak; 2013. Pp. 138—155. (In Russ.).
21. Ogneva EA. Theory of text cognitive attraction. In: Lingvističeskie gorizonty = Linguistic horizons. Belgorod; 2018. Pp. 87—92. (In Russ.).
22. Ozerova EG. Anthropocentric markers of literary text. In: Sovremennye voprosy modernizacii vysshej shkoly = Contemporary aspects of High school modernization. Belgorod; 2021. Pp. 149—154. (In Russ.).
23. Popova LG. Word: lingual culture analysis in comparison aspect. In: Slovo. Predloženie. Tekst: analiz jazykovej kul’tury = Word. Sentence. Text: lingual culture analysis. Krasnodar; 2013. Pp. 23—126. (In Russ.).
24. Harchenko VK. About some “unknown phenomena” on the map of linguistic knowledge. *Russkij jazyk v shkole = the Russian at school*. 2007;(3):95-100. (In Russ.).
25. Alefirenko NF, Chumak-Zhun II, Ozerova EG, Stebunova KK. Text and discourse: between Scylla and charibdis of cognitive linguopoetics. *Journal of Language and Literature*. 2015;6(2):157-160.
26. Kosharnaya SA, Chumak-Zhun II, Plotnikova LI, Maltseva GY, Boldyreva SM. The title of a literary text as a discursive phenomenon. *Journal of Research in Applied Linguistics*. 2019;10(5):396-404.
27. Miall DS, Kuiken D. Beyond Text Theory. Understanding Literary Response. *Discourse Processes*. 1994;(17):337-352.
28. Solopova OA, Kushneruk SL. War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse. *Russian Journal of Linguistics*. 2021;25(3):723-745.
29. Vasil’ev BL. A zori zdes’ tihie... = And the dawns here are quiet. Moscow: Jeksmo; 2015. 224 p.

Информация об авторе

Е. А. Огнева — доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков.

Information about the author

Elena A. Ogneva — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 10.09.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.